

Джозеф Шеридан Ле Фаню Ребёнок, похищенный фэйри

«Глаза мертвецов: Антология ирландских рассказов о призраках»: Азбука-классика;
Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-91181-809-8

Аннотация

Маленького Лиэма Риана похищают и уносят в свое обиталище фэйри — «добрый народ». Безутешно горе матери.

Джозеф Шеридан Ле Фаню Ребёнок, похищенный фэйри

К востоку от древнего города Лимерик, примерно в десяти ирландских милях от горной гряды, известной как Сливиллимские холмы и прославившейся тем, что среди ее утесов и ущелий нашел приют Сарсфилд¹, когда, проявив безрассудную храбрость, перебрался через нее и отбил у англичан пушки и амуницию, предназначавшуюся для армии короля Вильгельма, проходит старая узкая дорога. Она связывает тракт Лимерик — Типперери с другим, проложенным между Лимериком и Дублином, и на протяжении почти двадцати миль тянется вдоль болот и пастбищ, по холмам и лощинам, мимо крытых соломой хижин и развалин замка.

Огибая поросшие вереском холмы, о которых я уже упомянул, один ее участок пролегает в местности вовсе пустынной и заброшенной. На протяжении более трех ирландских миль дорога там пересекает совершенно необитаемые земли. Если идти на север,

¹ Сарсфилд Патрик, граф Лукен (ок. 1650—1693) — ирландский аристократ, приближенный короля Якова II Стюарта. Во время войны за английскую корону, как и большинство ирландцев, сохранил верность католическому правителю Якову II и выступил против претендовавшего на английский престол Вильгельма Оранского, протестанта, представителя голландского королевского дома. Упоминаемый в рассказе эпизод — реальный исторический факт: Сарсфилд нанес поражение частям армии Вильгельма Оранского возле местечка Бэллинити, между Лимериком и Типперери, в 1690 г.

то слева, сколько хватит глаз, простирается бесконечное черное, гладкое, словно озеро, болото, окаймленное чахлым кустарником. Справа возвышается длинный причудливый горный кряж, утопающий в вересковых зарослях, ошетилившийся там и сям седыми, похожими на крепостные башни скалами и прорезанный множеством глубоких оврагов и лощин, которые постепенно, по мере приближения к дороге, превращаются в горные долины, каменистые и поросшие лесом.

Вдоль этой пустынной дороги на протяжении нескольких миль тянется скудное пастбище, на котором пасутся немногочисленные тощие овцы и коровы, а под защитой небольшого холма и нескольких вязов еще пару лет тому назад таилась крошечная, крытая соломой хижина вдовы Мэри Риан.

Эта вдова считалась бедной даже в наших бедных краях. Солома, служившая кровлей, давно посерела и пожухла под струями дождя и палящими лучами солнца, и всякий прохожий еще издали замечал, насколько ветхо и непрочно ее жилище.

Но если дому вдовы и угрожало множество напастей, одной ему явно удавалось избежать, недаром его охраняли освященные веками обычаи. Хижину обступали пять-шесть горных вязов, как называют в той местности рябину, испытанную защиту от козней ведьм. К ветхой дощатой двери были приколочены две подковы, а над притолокой и по всей крыше курчавились буйно разросшиеся побеги заячьей капусты, старинного средства от сглаза и порчи, отвращавшего злые силы. Пригнувшись и войдя через низенькую дверь в плохо освещенную хижину, вы замечали, когда ваши глаза привыкали к полумраку, что в изголовье вдовой постели с деревянным потолком на четырех столбиках висят четки и флакончик со святой водой.

Все это, разумеется, представляло собой подобие крепостных стен и бастионов для защиты от вторжения сверхъестественных сил. О соседстве с ними этому семейству, жившему в совершенном одиночестве, постоянно напоминали очертания Лиснаворы, уединенного холма, издавна считавшегося обиталищем «доброго народа», как осторожно называют фэйри крестьяне, зловещего холма, странная куполообразная вершина которого возвышалась менее чем в полумиле, словно форпост длинной горной гряды, берущей начало поблизости.

Это случилось осенней порой, на закате, когда удлиняющаяся тень населенной призраками Лиснаворы почти коснулась порога одинокой крошечной хижины, скрыв мягкие очертания Сливилемских холмов. Среди редеющих листьев на ветвях печальных рябин, что отделяли домик от дороги, пели птицы. Трое младших детей вдовы играли на дороге, и их голоса тонули в птичьем гомоне. Старшая дочь, Нелл, в это время «хлопотала по хозяйству», как говорят крестьяне, — варила картошку на ужин.

Мать отправилась на болото принести на спине корзину торфа. Соседи побогаче в тех краях издавна, когда резали торф и складывали его стопами, неизменно оставляли как милостыню маленькую стопку для бедняков. Им позволялось отрезать от нее по кусочку, пока все не изведут (обычай достойный, не следовало бы о нем забывать), и потому в горшке у бедняков варилась картошка, а в очаге горел огонь, который без добродетельных жертвований нечем было бы растопить холодной зимой.

Молл Риан с трудом взобралась по крутому «борину», или узкой тропинке, по обеим сторонам поросшей боярышником и ежевикой, и, сгибаясь под тяжестью своей ноши, вошла в хижину, где к ней бросилась ее темноволосая дочь Нелл и помогла снять со спины корзину.

Вздыхнув с облегчением, Молл Риан огляделась и, отирая лоб, воскликнула, как обыкновенно восклицают уроженцы Манстера:

— Эйя, виша!² До чего я устала, один Господь знает! А где же детишки, Нелл?

— Да вон они, на дороге играют, матушка. Разве вы их не видели, как к дому подходили?

² Eiah, wisha — ирландское восклицание, выражающее удивление и тревогу, что-то вроде «батюшки».

— Нет, на дороге я никого не видала, — встревожилась мать, — ни души. Что ж ты, Нелл, за ними не присмотрела?

— Должно быть, они на гумне или на задворках. Позвать их?

— Позови, душа моя, ради бога. Вот уж и куры на насест забираются, и солнце как раз стояло над холмом Нокдулах, когда я шла по тропинке.

Высокая темноволосая Нелл выбежала на дорогу и принялась выглядывать своих маленьких братцев, Кона и Билла, и сестрицу Пег, а они точно сквозь землю провалились. Она звала и звала их, но с маленького гумна за чахлыми кустами до нее в ответ тоже не донеслось ни звука. Она прислушалась, однако все было тихо. Она перебралась через изгородь и кинулась на задворки, но и там было пусто.

Тогда она вышла на болото, напряженно вглядываясь в его черную гладь, но не заметила ни следа сестрицы и братцев. Снова прислушалась, но тщетно. Поначалу она сердилась, потом ей стало не по себе, и она побледнела. Со смутным предчувствием недоброго поглядела она на поросшую вереском вершину Лиснаворы, казавшуюся теперь темно-фиолетовой на фоне пылающего закатного неба.

Она снова прислушалась с замирающим сердцем, но до нее доносился только постепенно смолкавший щебет и писк птиц на ветках рябины. Сколько историй долгими зимними вечерами слышала она у горящего очага о детях, похищенных фэйри в сумерках, из мест пустынных и уединенных! Она догадывалась, что именно это кошмарное видение и преследует ее мать.

Никто во всей округе так не боялся отпустить от себя детей, как эта жившая в постоянном страхе вдова, ни одну дверь по соседству не запирали так рано.

Нелл, и без того остерегавшаяся столь коварных и злобных демонов, сейчас и вовсе затрепетала при мысли о том, что они могли забрать ее братцев и сестрицу, а страх ее подогревала тревога матери. Вне себя от ужаса, глядела она на холм Лиснавора, то и дело крестясь и шепча молитву за молитвой. Внезапно она словно очнулась, услышав голос матери, — та громко звала ее с дороги. Она откликнулась и бросилась к двери в хижину, у которой скорбно застыла мать.

— Господи, где же дети? Ты их так и не нашла? — простонала вдова Риан, когда дочь подбежала к ней, перебравшись через изгородь.

— Эре³, матушка, не иначе как они решили пробежаться по дороге. Мы и глазом моргнуть не успеем, а они уж тут как тут. Они же как молодые козлята, всюду лазают да прыгают! Вот попадись они мне сейчас, уж я бы им задала!

— Господи прости, Нелл, что ты говоришь! Детей у нас забрали, а вокруг ни души, и до отца Тома бежать целых три мили. И что же нам делать, откуда помощи ждать? Увы мне, увy! Деток моих забрали!

— Тише, матушка, успокойтесь, разве вы не видите, вот они и сами, легки на помине!

И тут она грозно закричала: «Вот я вас!..» — маня и подзывая поближе детей, которые как раз показались на дороге — до того их скрывал маленький уклон. Они бежали с запада, со стороны вселявшего ужас холма Лиснавора.

Однако навстречу матери и сестре спешили только двое ребятишек, а девочка плакала. Мать и сестра бросились к ним, теперь уже обезумев от страха.

— А где Билли? Где он? — закричала мать, едва не теряя рассудок, как только дети подошли поближе.

— А Билли нет, его забрали, но пообещали вернуть, — отвечал маленький темноволосый Кон.

— Он уехал со знатными дамами, — зарыдала девочка.

³ Arrah — ирландское междометие, выражает изумление, досаду, примерно соответствует русскому «это еще что?», «вот незадача».

— С какими дамами, куда уехал? О Лиэм, аштора!⁴ Душенька моя, неужели я тебя больше не увижу? Где он? Кто его увез? О каких дамах ты говоришь? Куда его увезли? — в смятении закричала она.

— Я не заметила, куда они поехали, матушка, кажется, в сторону Лиснаворы.

Едва не взыв от горя, обезумевшая женщина одна кинулась к заколдованному холму, ломая руки и повторяя имя похищенного ребенка.

Испуганная и ошеломленная, Нелл, не решаясь пойти за матерью, смотрела ей вслед и тут, не в силах сдерживаться, расплакалась; другие дети, глядя на нее, наперебой пронзительно заголосили.

Сгущались сумерки. Давно прошла пора, когда они обыкновенно запирали дверь на засов, уберегаясь от вторжения злых сил. Нелл привела младших детей в дом и усадила у огня, а сама стала на пороге, в страхе ожидая возвращения матери.

Им пришлось долго ждать, пока они не увидели ее вдаль. Она вошла, села у очага и разрыдалась так, что казалось, у нее вот-вот разорвется сердце.

— Закрыть дверь, матушка? — спросила Нелл.

— Да, закрой... Как же не закрывать, если я уже потеряла сегодня одно дитя? Больше я им никого не отдам... Но сначала окропи себя святой водой, акушла⁵, и принеси мне бутылочку, я тоже окроплю себя и детей. Ах, почему же ты, Нелл, этого не сделала, отпуская детей играть на улице на ночь глядя? Иди сюда, садись ко мне на колени, аштора, иди сюда, обними меня, маворнин⁶, ради бога, уж я так обниму вас, что никто вас у меня не отнимет, расскажите мне все, что знаете, расскажите, как это случилось — Господь да хранит нас от всяческого зла — и кто забрал моего мальчика!

И когда дверь закрыли на засов, мальчик и девочка, то говоря хором, то перебивая друг друга и то и дело прерываемые матерью, кое-как сумели рассказать странную и зловещую историю, которую я предпочел бы изложить связно и на моем родном языке.

Трое детей вдовы Риан, как я уже упоминал, играли на узкой старой дороге перед домом. Маленький Билл, или Лиэм, лет пяти, с золотистыми волосами и большими голубыми глазами, и вправду был пригожим мальчиком, со здоровым детским румянцем и серьезным и одновременно простодушным взглядом, какого не бывает у городских детей его лет. Его сестрица Пег, примерно годом старше, и братец Кон, старше двумя годами, составили ему компанию.

Под высокими старыми вязами, последние листья которых падали к их ногам, в лучах октябрьского закатного солнца, играли они весело и увлеченно, как истинные крестьянские дети, кричали и шумели, все это время украдкой поглядывая на запад, на мрачный холм Лиснаво́ра.

Внезапно за их спинами раздался пронзительный голос, почти визг, приказывавший им убираться прочь с дороги, и стоило им обернуться, как их взорам предстало зрелище, подобного которому им не приходилось видеть раньше. На дороге показалась карета, запряженная четверкой лошадей. Лошади нетерпеливо били копытами и фыркали, словно возница только что натянул вожжи. Дети чуть было не попали под колеса и едва успели отпрыгнуть на обочину возле двери собственной хижинки.

Карета и все ее убранство, старинное и великолепное, показались детям, никогда не видевшим ничего роскошнее повозки с торфом и только раз — старый фаэтон, проезжавший мимо их дома на пути из Киллалоу, поистине ослепительными.

Сама пышность кареты напоминала о временах, давно ушедших. Упряжь и попоны

⁴ Asthора (ирл.) — дорогой, мое сокровище.

⁵ Acuishla (ирл.) — дорогая (дорогой), душа моя.

⁶ Mavourneen (ирл.) — моя милая, душенька.

были алого цвета, расшитые золотом. Кони — огромные, белоснежные, с длинными гривами, которые, когда они беспокойно встряхивали головами, струились, вились и плыли по воздуху, словно кольца дыма, с длинными пышными хвостами, подвязанными алыми с золотом лентами. Сама карета так и сияла позолотой и роскошными гербами. На запятках стояли лакеи в ярких ливреях и треуголках, так же был одет и кучер, щеголявший в огромном парике, точно судья, тогда как у лакеев волосы были завиты, напудрены и заплетены в длинную косу с бантом, спускавшуюся по спине.

Все эти слуги были маленького роста и казались совсем крошечными по сравнению с гигантскими лошадьми. Кожа у них была землистого цвета, черты заострившиеся, а глазки маленькие, бегающие и горели, как огонь. На лицах у них застыло выражение коварства и злобы, отпугнувшее детей. Малютка кучер нахмурился и ухмыльнулся из-под полей треугольной шляпы, показывая в усмешке белые клыки и в ярости выкатывая крошечные горящие глаза-бусинки. Он несколько раз взмахнул кнутом у детей над головой так проворно и стремительно, что им показалось, будто в небе, в лучах заходящего солнца, сверкнула молния, а свист кнута прозвучал точно крик целого сонма фэйри и паков, летящих в воздухе.

— Кто посмел остановить принцессу?! — вскричал кучер пронзительным фальцетом.

— Кто посмел остановить принцессу? — эхом откликнулись лакеи, бросив на детей злобный взгляд через плечо и скрежеща зубами.

Дети так испугались, что только смотрели, раскрыв рот и побледнев, на это невиданное зрелище. Но тут отворилось окно кареты и из глубины экипажа раздался нежный голос, приказавший слугам замолчать и успокоивший детей.

Из окна им улыбалась прекрасная и необычайно «знатного вида» дама, их тотчас очаровала странная прелесть ее пленительной улыбки.

— Кажется, у мальчика золотистые волосы, — проронила она, не сводя больших, необыкновенно ясных глаз с Лиэма.

Окна и дверцы кареты были высокие и широкие, сделанные из прозрачного стекла, и потому дети заметили внутри экипажа еще одну женщину, от вида которой им сделалось не по себе.

Женщина эта была смуглая и черноволосая, с неестественно длинной шеей, отягощенной множеством крупных разноцветных ожерелий, а голову ее украшал шелковый, переливающийся всеми цветами радуги тюрбан, заколотый брошью в виде золотой звезды.

Лицо ее, худое, с широкими скулами, напоминало обтянутый кожей череп, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, а белки и крупные острые зубы особенно выделялись на фоне смуглой пергаментной кожи. Заглянув через плечо прекрасной дамы, она что-то прошептала ей на ухо.

— Да, у мальчика, кажется, золотистые волосы, — повторила та.

В ее голосе детям почудился звон серебряного колокольчика, ее улыбка очаровывала и завлекала их, словно свет блуждающего огонька, и вот она уже склонилась совсем низко, с невыразимой нежностью глядя на золотоволосого, голубоглазого мальчика, а маленький Билли, завороченный ее прелестью, улыбнулся ей в ответ, в свою очередь нежно и удивленно. Тогда прекрасная дама нагнулась, протянула ему унизанные перстнями и браслетами руки, он в свою очередь с радостью протянул ей маленькие ручки, и не успели дети и глазом моргнуть, как она со словами: «Иди сюда, поцелуй меня, душенька» — уже подняла его своими изящными, тонкими руками, легко, точно перышко, посадила на колени и стала осыпать поцелуями.

Другие дети нимало не испугались и даже готовы были поменяться местами со своим маленьким братцем, видя, какой благосклонности он удостоился. Одно лишь настораживало и немного пугало их — «черная женщина», по-прежнему выглядывавшая из-за плеча красавицы. Она поднесла к губам дорогой шелковый, расшитый золотыми нитями платок и прикусила его зубами так, что детям показалось, будто он, складка за складкой, медленно исчезает в ее широком рту. Ее словно душил смех, она тщила скрыть судорожное веселье, сотрясавшее все ее тело, однако взгляд, устремленный поверх платка на детей, выражал не

веселье, а такую беспощадную, неумолимую жестокость, какой им раньше видеть не приходилось.

Но дети едва замечали «черную женщину», они не могли оторвать глаз от красавицы, а та все целовала и ласкала их маленького братца, а потом, улыбаясь, протянула детям большое румяное яблоко и, когда карета медленно тронулась, кивком пригласила детей взять яблоко и уронила его из окна. Яблоко немного прокатилось по дороге, вдоль колес, дети кинулись за ним, и тогда красавица бросила еще одно, а потом еще и еще. Однако ни одно яблоко детям не досталось: едва брат или сестра, бежавшие за каретой, поднимали катившееся по дороге яблоко, как оно выскальзывало из их рук и точно само собою прыгало в яму или отскакивало в придорожную канаву, а подняв глаза, они замечали, что красавица уронила из окна следующее, и так они бежали и бежали за каретой, пока, сами того не подозревая, не добрались до старой дороги, ведущей в Оуни. И здесь копыта лошадей и колеса кареты, казалось, взбили целое облако пыли, которую внезапный порыв ветра, неведомо откуда взявшийся в этот тихий день, взметнул столбом. На мгновение он поглотил детей, потом, кружась, понесся дальше, по направлению к Лиснаворе, а карета, как почудилось детям, скрылась в самой его середине. Но внезапно этот вихрь развеялся, на землю опали листья и солома, пыль улеглась, а белые кони, лакеи, золоченая карета, красавица и их золотоволосый братец исчезли.

В тот же миг верхний край яркого закатного солнца неожиданно пропал за холмом Нокдулах, и сгустились сумерки. Брат и сестра были потрясены этой внезапной переменой, а вид округлой вершины Лиснаворы, тень которой угрожающе нависла над ними, еще пуще их испугал.

Они отчаянно выкрикивали имя брата, но их голоса замирали в пустоте. И тут им почудилось, будто кто-то хрипло произнес у них над ухом: «Ступайте домой!»

Обернувшись и никого не увидев, дети пришли в ужас и, взявшись за руки, поспешно засеменяли обратно — девочка безутешно рыдая, а мальчик от страха белый как полотно, — и так они шли из последних сил, торопясь поведать дома странную историю, которую мы теперь знаем.

Молли Риан больше не суждено было увидеть своего дорогого сына, но брату и сестрицам несколько раз довелось взглянуть на похищенного Лиэма.

По временам, когда их мать гнула спину на сенокосе, тяжким трудом зарабатывая гроши, а Нелли мыла картошку на ужин или отбивала вальком белье в ручейке, что протекал в долине по соседству, дети замечали пригожее личико Билли. Он лукаво поглядывал на них сквозь дверную щель и молча улыбался, но едва они с радостными криками бросались к нему, чтобы обнять, как он ускользал, по-прежнему лукаво улыбаясь, а как только они выбегали из дому, оказывалось, что при свете дня он бесследно исчез.

Случалось это часто, хотя всегда немного по-разному. Иногда он выглядывал из-за двери дольше, иногда уходил быстрее, иногда высовывал маленькую ручку и пальчиком манил к себе брата и сестру, но неизменно лукаво улыбался, настороженно молчал и всегда исчезал, стоило им добежать до двери. Постепенно он стал появляться все реже и реже, а спустя примерно год и вовсе исчез, ушел навеки, хранимый лишь памятью близких наравне с покойными.

Однажды, зимним утром, через полтора года после его исчезновения, когда их мать еще засветло отправилась в Лимерик продавать на рынке птицу, маленькая Пег лежала без сна рядом с крепко спящей старшей сестрой. Внезапно при первых проблесках рассвета она услышала, как кто-то тихо приподнимает щеколду, и увидела, как в дом входит маленький Билли и осторожно закрывает за собой дверь. В доме было достаточно светло, и она разглядела, что он босой, в лохмотьях, исхудавший и бледный. Он прошел прямо к очагу, съевшись, присел на корточки возле затухавшего торфа, стал медленно потирать руки и, казалось, дрожал, сгребая тлеющие угли.

Его маленькая сестра в ужасе стала трясти за плечо старшую, шепча: «Проснись, Нелли, проснись, Билли вернулся!»

Нелли спала крепко, но мальчик, который до этой минуты грелся у очага, обернулся и посмотрел на нее, в его взгляде ей почудился страх, а его запавшую щеку обагрят красный отблеск тлеющих углей. Он встал, осторожно, на цыпочках, не говоря ни слова, прошел к двери и пропал так же беззвучно, как и появился.

После этого никто из родных никогда больше не видел мальчика.

«Лекари, избавляющие от колдовства фэйри», как называют приглашаемых в таких случаях колдунов, делали все, что в их силах, но тщетно. В хижину Мэри Риан приходил и отец Том и пытался вернуть мальчика, прибегнув к помощи Святого Писания, но также безуспешно. И потому маленький Билли умер для матери, брата и сестер, хотя и не упокоился в могиле. Другие, память о коих благоговейно хранят родные, лежат в освященной земле, на старом кладбище в Эйбингтоне, под могильным камнем, и близкие могут преклонить там колени и прочесть заупокойную молитву, испрашивая мира душе усопшего. Но ни один, даже крошечный, камешек не отмечал того места, где маленький Билли навсегда скрылся от их любящих взоров, местом его упокоения можно было счесть разве что древний холм Лиснавора, на закате отбрасывающий длинную тень у дверей хижины. Много лет спустя, белый и призрачный в лунном свете, он приковывал к себе взгляд Кона, когда тот возвращался с рынка или с ярмарки, и тогда он, вздохнув, произносил молитву о спасении души своего маленького брата, который исчез давным-давно и более не вернется.